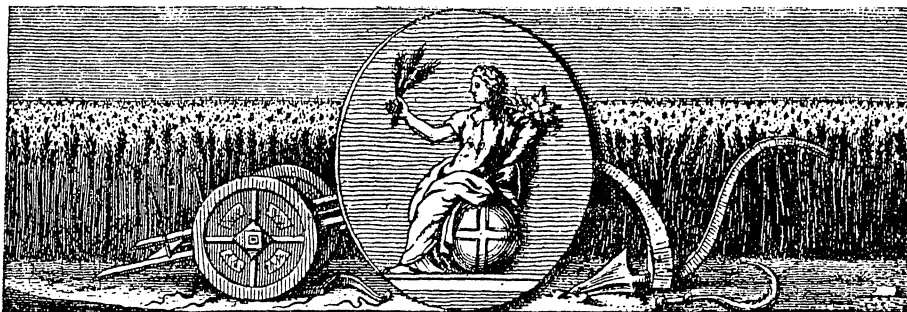

СТАРЫЯ УСАДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКАГО
ИСКУССТВА И БЫТА

1910 г.

ПОМѢЩИЧЬЯ РОССИЯ

(Baron N. Wrangell: La vie des châteaux russes).

Бѣлые дома съ колоннами въ тѣнистой чащѣ деревьевъ; сонныя, пахнущіе тиной пруды съ бѣлыми силуэтами лебедей, бороздящихъ лѣтнюю воду; старыя нянюшки, снимающія пѣнки съ варенья; жирныя, обжорливыя моськи, ворчащія отъ сахара и злости; дѣвки-арапки, отгоняющія мухъ отъ спящей барыни; Митька-казачекъ, таскающій длинныя чубуки для раскуриванья гостямъ; мухи, летающія, жужжащія, назойливыя, кусающіяся, скучныя, противныя мухи; мухи, засиживающія окна и стѣны, и книги, и все; пѣтухи, кричащіе на задворкахъ; мычащія коровы; блеющія овцы; бравящіеся хозяева-помѣщики; бабушки въ чепцахъ; никому ненужныя, штопающіе чулки, старыя лакеи; босоногія дѣвки, сѣнныя дѣвушки; крѣпостныя актрисы, живописцы, фореиторы, музыканты, быстрые псы, художники, карлики, крѣпостные астрономы. Внутри, въ комнатахъ — чинныя комфортабельныя стулья и кресла, привѣтливыя круглыя столы, развалистыя безконечныя диваны, хрипящія часы съ ржавымъ басистымъ боемъ, и люстры, и подсвѣчники, и софиты, и ширмы, и экраны, и трубки, трубки до безконечности. И опять мухи: сонныя, злыя, назойливыя, липнущія, кусающія и засиживающія все. Вотъ она — крѣпостная Россія прошлаго, отъ которой остались только мухи и домашняя скотинка, старыя нянюшки, хозяйская воркотня и былъ и небылица о крѣпостной жизни, о роскоши, о красотѣ быта, о чудачествѣ дѣдушекъ и бабушекъ. Вотъ крѣпостная Россія обжорства и лѣни, добродушнаго послѣбобѣденнаго мечтанія, чесанія пятаковъ на ночь и игры на гитарѣ при лунѣ. Вотъ страна «Евгенія Онѣгина», потомъ «Мертвыхъ Душъ», потомъ «Дѣтства и Отрочества», потомъ «Оскудѣнія» Сергѣя Атавы. Вотъ «Помѣщичья Россія» отъ Петра Великаго и до Царя Освободителя, полтора вѣка особой жизни, культуры, занесенной изъ чуждой страны, сдѣлавшейся родной и опять чуждой. Старая повѣсть о самодурахъ-помѣщикахъ, засѣкающихъ крестьянъ,

о тѣхъ же помѣщикахъ въ часы досуга, занимающихся меценатствомъ также охотно, какъ ловлей зайцевъ и лисицъ, какъ заказомъ вкуснаго обѣда или поркой провинившихся дѣвокъ. Странное дѣло, но въ этой повѣсти о прошломъ какая то особенная, можетъ быть только намъ однимъ русскимъ понятная своеобразная прелесть; прелесть грубаго лубка, чудо простонародной русской рѣчи, сказка и сентъ, пропѣтыхъ въ селѣ, ухарство русской пляски. Все на фонѣ античныхъ храмовъ съ колоннами, увѣнчанными капителями іоническаго, дорическаго или коринтскаго орденовъ. Пляска русскихъ босоногихъ Маланекъ и Душекъ въ «храмѣ любви», маскарадъ деревенскихъ парней въ костюмахъ боговъ и богинь древности. Или гдѣ нибудь въ Саратовской или Симбирской губерніи — дѣвки-арапки съ восточными опахалами на фонѣ снѣжныхъ сугробовъ. Что можетъ быть нелѣпѣе и забавнѣе, печальнѣе и умнѣе?

Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормазъ ея, выразилось какъ нельзя ярче въ бытѣ помѣщичьей Россіи. Безудержная фантазія доморощенныхъ меценатовъ создала часто смѣшныя, чудаческія затѣи, часто курьезныя пародіи, но иногда и очаровательныя, самобытныя и тѣмъ болѣе неожиданныя волшебства.

Вся эта культура, весь этотъ бытъ, все это прошлое, столь близкое по времени, теперь, съ каждымъ годомъ кажется будто удаляется на нѣсколько столѣтій. И какъ чужда, непонятна, и далека казалась людямъ Екатерининскаго вѣка былъ ихъ прадѣдовъ времени Алексѣя Михайловича, такъ навсегда безвозвратно ушелъ бытъ крѣпостной Россіи, жившій полтора столѣтія. И потому, быть можетъ, нѣжно ласкаетъ и манитъ насъ старая повѣсть о дѣдушкахъ и бабушкахъ, объ арапахъ и крѣпостныхъ, о мебели краснаго дерева и о домахъ съ колоннами на берегу сонныхъ прудовъ?

Въ Россіи никогда не было своей послѣдовательной, наслѣдственной культуры. Все созданное варягами, пришедшими княжить въ Россію было уничтожено татарскимъ игомъ. Потомъ опять новая смѣшанная культура Востока и Запада, пышно расцвѣтшая въ царствованіе первыхъ Романовыхъ, была вырвана съ корнемъ тѣмъ, кого потомство окрестило именемъ Великаго Преобразователя Россіи. И черезъ полтора столѣтія помѣщичья крѣпостная культура, давшая столько нѣжныхъ и красивыхъ цвѣтковъ искусства, смѣнилась опять новой, совѣтъмъ другой жизнью, которая до сихъ поръ еще не улеглась въ опредѣленное русло. Естественно, что и искусство, «не имѣвшее предковъ», развивалось въ Россіи также случайно, неожиданно и капризно. Но «крѣпостной періодъ» въ исторіи нашей живописи и, главнымъ образомъ, архитектуры и прикладнаго искусства далъ много весьма занимательнаго, характернаго, а иногда даже и подлинно-красиваго. Конечно не въ смыслѣ grand art, но все же интимнаго, такъ ярко и рѣзко рисующаго духъ и вкусы

УСАДЬБЫ И ИХЪ ОБИТАТЕЛИ.

При словѣ «усадьба» намъ обыкновенно рисуется бѣлоколонный домъ екатерининскаго или александровскаго времени, тѣнистый садъ, «храмы любви» и «дружбы», мебель корельской березы или краснаго дерева. Благодаря тому, что все, сохранившееся до насъ, рѣдко насчитываетъ болѣе 100—150 лѣтъ, такое представленіе объ русской усадьбѣ совершенно понятно. Но вѣдь и до Екатерины и даже въ до-реформенной Руси была помѣщичья жизнь, были деревенскіе дома, обитаемые князьями и боярами.

На основаніи отрывочныхъ свѣдѣній писцовыхъ книгъ и любопытныхъ описаній заѣзжихъ иностранцевъ, можно въ общихъ чертахъ нарисовать себѣ типъ средняго помѣщика и дворянской усадьбы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Тѣ представленія о пышности и роскоши «боярской жизни», которыя держатся у большинства, рѣшительно ни на чемъ не основаны.

Земельная Россія въ до-реформенное время была по отношенію къ Западной Европѣ вродѣ того, что теперь Полинезія для Россіи. И всѣ путешественники, пріѣзжавшіе въ Московію, описываютъ ее именно какъ диковинную варварскую страну. «Когда наблюдаешь русскихъ въ отношеніи ихъ душевныхъ качествъ, нравовъ и образа жизни», пишетъ Олеарій: «то ихъ, безъ сомнѣнія, не можешь не причислить къ варварамъ».¹

Естественно, какъ и у всѣхъ варваровъ, русскій бытъ дѣлился на двѣ части: роскошную и прихотливую пышность наиболѣе знатныхъ вельможъ-горожанъ и грязную и почти убогую, скудную жизнь средняго дворянина.

Въ подмосковныхъ дворцахъ Романовыхъ дарило великолѣпіе. Въ Измайловѣ былъ чудесный дворецъ, «регулярный садъ» съ разными затѣями; еще прихотливѣе былъ

Россійскій Визеємъ,
Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело.

Не даромъ Симеонъ Полодскій называлъ эти имѣнія царей Московскихъ «восьмымъ чудомъ свѣта, Соломоновою прекрасною палатою». Но безконечно далеки отъ такой роскоши были дворянскія усадьбы.

«Помѣщики XVI вѣка, временъ Грознаго, жили бѣдно и непрехотливо. Богатѣйшія дѣти боярскія выслуживались до придворныхъ чиновъ, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Менѣе счастливые, все бѣднѣя, опускались до владѣнія 20—10 десятинами, скоро исчезли въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ».²

Если богатому землевладѣльцу и удавалось выстроить болѣе роскошныя палаты, то почти всегда черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ погибали отъ огня. Страшные пожары уничтожали до тла деревянныя постройки, а въ старину дома, даже у очень богатыхъ людей, строились изъ дерева. Флетчеръ, посѣтившій Россію въ 1588 г., ужасается опустошеніямъ, которыя огонь каждый годъ производитъ въ Россіи. «Пожары тамъ случаются очень часто», пишетъ онъ:³ «и бываютъ очень страшны по причинѣ сухости

своего времени. А эта картина была уже свидѣтельствомъ о томъ какъ живо и жизненно запечатлѣвали художники въ своихъ созданіяхъ свои робкія мечты.

Въ этой массѣ «средняго уровня», въ безконечномъ количествѣ любопытныхъ и дорогихъ намъ, но все же заурядныхъ въ смыслѣ художественномъ помѣщичьихъ усадьбахъ, встрѣчаются иногда и созданія высокаго мастерства. Понятно, это рѣдкость. Только крупные помѣщики времени Екатерины, а главнымъ образомъ ея фавориты могли создать волшебныя сказки изъ своихъ имѣній, не только не уступающихъ, но даже превосходящихъ грандіозными затѣями то, что было сдѣлано въ эту же эпоху на Западѣ. Русскіе люди всегда были самодурами, а въ искусствѣ самодурство не разъ помогало имъ. Но по странной на-смѣшкѣ судьбы созданное столь быстро, распалось еще быстрѣе.

Фантастическіе дворцы Потемкина, имѣнія князя Зубова, дворецъ Завадовскаго, подмосковное Ноево Дмитріева - Мамонова, дворцы Елисаветинскихъ любимцевъ Разумовскихъ — все погибло.

Разрушены и обвѣтшали торжественные дома съ античными портиками, рухнули храмы въ садахъ, а сами «Вишневые сады» повырублены. Сожжены, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы безчисленныя богатства фаворитовъ русскихъ Императрицъ: картины и бронза, мебель и фарфоръ, и тысячи другихъ великолѣпій. По странной игрѣ судьбы любимцы Государынь не оставили мужского потомства, дошедшаго до насъ. Вспомните Шувалова, Румянцева, Разумовскихъ, Потемкина, Зорича, князя Зубова, Александра Ланского, Мамонова, Завадовскаго. А для нихъ строили дворцы Ринальди и де ла Моттъ, Менеласъ и Кваренги; имъ дарились лучшіе портреты Государынь, присылались лучшіе художники и служили сотни тысячъ крѣпостныхъ. Даже въ фаворитизмѣ у насъ не сохранилось традицій.

Но не одна судьба зло подшучивала надъ Россіей. Русскіе люди дѣлали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть слѣды старой культуры. Съ преступной небрежностью, съ нарочитой лѣнью и съ усерднымъ вандализмомъ нѣсколько поколѣній свело на нѣтъ все, что создали ихъ предѣды.

Вѣдь культурнымъ было русское дворянство отъ Екатерины Великой и до освобожденія крестьянъ, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались надъ тѣмъ немногимъ, о чемъ могли бы говорить съ гордостью и, Богъ вѣсть, придетъ ли день, когда снова объ этомъ вспомнить?

Всюду въ Россіи, въ южныхъ губерніяхъ, на сѣверѣ и въ центрѣ можно наблюдать тотъ же развалъ стараго, развалъ не только денежный, но развалъ культурный, невниманіе и нелюбовь къ тому, что должно украшать жизнь. Тогда какъ въ Европѣ изъ рода въ родъ много столѣтій переходятъ и хранятся имѣнія и сокровища предковъ, въ Россіи наперечетъ нѣсколько помѣстій, находящихся двѣсти лѣтъ въ одной семьѣ. И нѣтъ ни одного примѣра дошедшей до насъ цѣликомъ сохранившейся помѣщичьей усадьбы XVIII вѣка. Только въ Покровскомъ княгини Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой часть дворца еще до-реформенной Руси. Даже отъ Петра, отъ Анны Іоанновны, даже отъ Елиса-